

НИКОЛАЙ БОГДАНОВ

РАССКАЗЫ
ВОЙНЕ

ДЕТРИЗ

НИКОЛАЙ БОГДАНОВ

РАССКАЗЫ О ВОЙНЕ

Рисунки

В. ЦЕГЛОВА

НАРКОМПРОО РСФСР
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД

* *
*

Немецкие фашисты предательски напали на нашу страну. Великий советский народ ведет отечественную войну, защищая свою любимую родину, честь и свободу.

Не первый раз нападают на нас подлые фашисты.

Год тому назад они подговорили финских белогвардейцев напасть на Ленинград.

Красная армия героически отбила финских фашистов, разгромила их крепости и берлоги, уладила их воинственный пыл так, что они запросили пощады.

Немецкие фашисты будут разбиты и уничтожены вместе со своими финскими, румынскими и другими помощниками.

Я участвовал в войне против финских белогвардейцев и навсегда запомнил замечательные подвиги наших летчиков, танкистов, артиллеристов и пехотинцев.

Мне захотелось рассказать, как били они финских фашистов.

Я поехал в рабочий клуб, затем к студентам, затем на пионерский сбор и, наконец, в детский сад.

Замечательно слушали меня ребята из детского сада!

По несколько раз они просили рассказать им про храб-

рого бойца Богунова. Взяв меня за руки и не отпуская, спрашивали, настоящий ли летчик Летучий или выдуманный. Был ли на самом деле на фронте черный кот?

Портрет славного Героя Советского Союза Летучего они увидели в газетах. А черного кота нарисовали сами и подарили мне на память.

Дети нарисовали множество картинок к моим рассказам.

В этой книге собраны те рассказы, которые особенно понравились ребятам. Они напечатаны так, как я рассказывал их в детском саду.

Уезжая на фронт бороться против нашествия немецких фашистов, я обещаю написать новую книгу о героях отечественной войны.

ОДИН ПРОТИВ МНОГИХ

Случалось ли вам пугаться? Автомобиль над ухом рывкнет или неожиданно выскочит большая собака, — вы испугаетесь?

А знаете, ребята, на войне самое главное — не пугаться. Я вам расскажу случай, как один боец испугался, а другой нет и что из этого вышло.

Пришли на войну два колхозника — Богунов и его сосед Иванников. Богунов был по-

старше, у него уже сын в школе учился, а Иванников совсем молодой парень.

Вот послал их командир в секрет. Секретом называется группа бойцов, скрытно наблюдающая за противником. Богунов и Иванников приготовили гранаты, зарядили винтовки и затаились в снеговом окопе на опушке леса.

Но в то время как они устраивались, белофинны их заметили и решили захватить в плен. Бойцы наши лежали, смотрели вперед и не догадывались, что за ними началась охота. Пятнадцать белофинских разведчиков подкрадывались к ним сзади!

Одетые в белые халаты, они ползли по снегу бесшумно, как змеи. И вдруг очутились рядом, поднялись все сразу и крикнули:

— Сдавайтесь!

Иванников испугался. Забыл, что в руках у него оружие, которым можно обороняться. Гранаты оставил в окопе, а винтовку прижал к груди и бросился бежать.

Белофинны дали залп и убили его.

Богунов вздрогнул, но не побежал. Страшно ему было среди стольких врагов. Свои далеко, а враги близко. Одна надежда на верное оружие да на свое воинское уменье.

И как только белофинны окружили его густой толпой, Богунов стал действовать быстро и решительно. Бросил им под ноги две свои

гранаты и сейчас же добавил две забытые Иванниковым. Четыре гранаты разорвались со страшным треском. Богунов успел пригнуться, и осколки тучей пронеслись над его головой, но не задели.

А белофиннам попало. Повалились убитые, раненые. Оставшиеся в живых отшатнулись.

Не давая им опомниться, Богунов поднялся из окопа, выстрелил из винтовки, закричал: „Ура!“ и пошел в штыки.

Тут белофиннам показалось, что они попали в ловушку.

Так могла действовать рота, взвод. Богунов был один, но действовал так же, и это смутило врагов.

Оставшиеся в живых белофинны бросились бежать.

Богунов преследовал бегущих. Сгоряча он наступил одному на белый халат и покатился вместе с ним в овраг. Винтовка выскользнула из рук, и Богунов очутился без оружия. Момент был самый страшный.

Но испуганный белофинн не сумел этим воспользоваться. Богунов вскочил первым и снова повалил белофинна. Тут подбежали на подмогу наши бойцы. Они услышали разрывы гранат и стрельбу и бросились на помощь товарищам.

Подобрали бойцы раненых врагов, взяли

пленного, собрали всё оружие, пришли к командиру и доложили:

— Иванников убит, а Богунов один победил пятнадцать белофиннов и жив остался!

Командир подозвал Богунова и спрашивает:

— Как это у вас получилось?

Богунов вытряхнул снег из рукавов, поправил каску, но молчит.

— Ну так как же? — повторил командир.

Богунов подумал, вспомнил все, как было, и отрапортовал:

— Я действовал точно по уставу!

ХОРОШАЯ ПОСЛОВИЦА

Боец Афанасий Жнивин в мирное время плотничал и охотничал. Умел делать и табуретки и столы. Когда пилил, стругал и приколачивал, любил приговаривать. Если гвоздь гнулся, он поправлял его, стучал молотком крепче и добавлял:

— Не будь упрям, а будь прям!

И на охоте любил сам с собой поговорить. Бывало промахнется по тетереву и скажет:

— Не тот стрелок, кто стреляет, а тот, кто попадает.

На войне Афанасий остался таким же ве-

сельчаком. Наш повар его сразу заметил. Подходит Жнивин к походной кухне, подставляет котелок и говорит:

— Отчего-то на войне есть хочется вдвойне!

Послал его однажды командир в разведку в лес посмотреть, нет ли там засады, можно ли пройти войскам. Афанасий считал, что ему в лесу будет легко разобраться — ведь он охотник.

Пошли они вдвоем с другим разведчиком, посмотрели вокруг и врагов не заметили. Под скалами их нет, за поваленными деревьями тоже не прячутся. И даже следов не видно.

— Следов нет — и врагов нет, — сказал Жнивин товарищу.

Он написал донесение командиру, что путь безопасен, и отправил с товарищем, а сам возвращался не спеша и все посматривал на деревья. Любовался огромными соснами, дремучими елями и думал: „Интересно, водятся ли тут белки“.

Вдруг ветка на одной елке дрогнула, снег с нее осыпался. Афанасий взглянул пристальней и увидел на сучке вместо белки сапоги... да еще с закорючками, не нашего фасона!

Жнивин вскинул винтовку, но сидевший на елке финский солдат выстрелил первый. Пуля ударила в каску, и боец наш упал.

Лежит Афанасий и думает: „Как меня ловко враги убили, просто обидно!“

А потом соображает: „Но если я думаю, значит я еще жив?“

Финская пуля каски не пробила, а только оглушила Жнивина. А финн решил, что боец наш ранен, спрыгнул с елки, ухватил разведчика и потащил на свою сторону.

Тут Афанасий опомнился, изловчился и ухватил финна за руки. Оружие у него вырвал, но солдат не сдавался. Они стали бороться, кто кого осилит. Финн все пытался достать из-за голенища нож. Не мог его одолеть Афанасий и думал: „Вот теперь моя смерть пришла!“

Но командир услышал выстрел и выслал на помощь Жнивину бойцов с ручными пулеметами.

Они подоспели во-время и схватили белофинна.

— Товарищи, ударьте по деревьям! — закричал Афанасий.

Пулеметчики присмотрелись, открыли сильный огонь по елкам, и оттуда свалилось несколько финских „елочников“.

Так и не удалась финнам хитрая проделка. А они ловко придумали: оделись в белые ха-

латы, забрались на деревья во время метели, чтобы следы занесло, и сидели там, дожидаясь, когда мы пойдем. У каждого из них был в руках пистолет-пулемет и гранаты.

Многие из наших бойцов были бы убиты, если б мы, не ожидая нападения сверху, пошли по опасной дороге.

Командир подозвал к себе Афанасия Жнивина и строго спросил:

— Ну как, следов нет — и врагов нет?

Жнивин смутился.

— Виноват, товарищ командир, эта пословица на войне не годится. Теперь я придумал другую: „Бываешь в разведке, посмотри и на ветки!“

Командир улыбнулся и сказал:

— Эта пословица хорошая.

ВДВОЕМ С БРАТИШКОЙ

Наши войска шли в наступление. Связисты тянули за ними телефонные провода. По этим проводам артиллеристам сообщают, куда стрелять, штабам — как идет атака, куда посылать подкрепления, танки. Без телефона воевать трудно.

И вдруг в разгар боя оборвались провода, и всякая связь прекратилась.

Немедленно на линию выслали связистов. Вдоль одного провода побежали на лыжах боец Афанасий Жнивин и его товарищ Кременский.

Провод был протянут по уцелевшим телеграфным столбам. Смотрят бойцы: один конец провода валяется на снегу, а другой торчит на столбе.

— Наверное, шальная пуля отстрелила, — решили товарищи. — Следов вокруг нет. Кто же его мог оборвать?

Кременский полез на столб. Но только потянулся к проводу, как раздался негромкий выстрел снайперской винтовки, и он упал. Снег окрасился кровью. Вражеская пуля попала бойцу прямо в сердце.

Жнивин схватил похолодевшую руку товарища и медленно огляделся.

Молча стоят густые ели, засыпанные снегом. Не дрогнула ни одна ветка. Где же затаился финский снайпер? Не успел разглядеть его Жнивин с первого выстрела. А со второго он и его убьет.

Что делать? Полезть на столб, сцепить провод? Нет, это невозможно. Лезть ему долго, а финну выстрелить — четыре секунды. Он меткий снайпер, бьет наверняка.

Жнивин притаился под столбом, притворяясь мертвым. Он выжидал, не пошевелится

ли снайпер, не станет ли слезать с дерева. Так пролежал он до самого вечера.

Только ночью вернулся Жнивин в свою часть и привез на лыжах погибшего товарища. Он попрощался с убитым другом, сел у костра и крепко задумался.

Через некоторое время прибегают бойцы к командиру и докладывают:

— Афанасий Жнивин, видно, с ума сошел: куклу себе делает!

Командир вышел из землянки и подошел к костру. Смотрит — и верно: сидит Жнивин у огня и шьет из белой портянки голову для куклы величиной с человеческую.

Командир отозвал его в сторону и о чем-то с ним поговорил. А потом сказал бойцам: — Не мешайте товарищу.

А старшине приказал:

— Выдайте ему для куклы старую шинель и разбитую каску.

Афанасий пришел голову к воротнику шинели, к голове прикрепил каску, шинель набил соломой — и получился человек. Он ему даже деревянное ружье на спину приделал и посадил рядом с собой у костра.

Когда принесли ужин, Жнивин сказал бойцам:

— А ну-ка, покормите моего братишку Ваню, он мало каши ел.

На рассвете наши войска снова перешли в наступление. И снова белофинны оборвали во многих местах провода. Афанасий Жнивин вызвался идти на ту же линию, где его чуть не убил снайпер.

Он оделся в белый халат, положил Ваню на лыжи и пополз, толкая куклу впереди себя на шесте.

Бой был сильный. От ударов пушек снег осыпался с елей и поросил, как во время метели. Финский снайпер, убивший Кременского, сидел на том же дереве не слезая, чтобы не выдать себя следами.

Он пристально смотрел вокруг и вдруг

увидел: вдоль линии ползет человек в серой шинели. Ползет-ползет и остановится, словно раздумывает. Вот он у столба. Привстал, дернулся вверх, словно его подтолкнули, и снова остановился.

— Трусит, видно, — злобно усмехнулся финн. Он выждал и, когда связист еще раз приподнялся, выстрелил.

Но странный связист только дернулся, но не упал.

Финн прицелился еще тщательней — и снова промахнулся. От злости он забыл осторожность и выстрелил в третий раз.

И в тот же миг получил удар в лоб, словно к нему вернулась собственная пуля. Финн взмахнул руками и повалился вниз.

А Афанасий Жнивин встал из-под столба, почти невидимый в белом халате, и сказал:

— Ну, Ваня, один готов!

Посмотрел, а у его приятеля в шинели три дырки от пуль! Метко стрелял снайпер, да попадал в солону.

Когда он в первый раз выстрелил, Жнивин повернулся на выстрел. Когда во второй раз ударил, Жнивин заметил, как снег с одного сучка осыпался. А в третий раз они выстрелили одновременно. Только финн попал в куклу, а наш боец финну в лоб.

Перехитрив одного финского снайпера, Жни-

1602

21224

вин перехитрил также и второго. Так он всю войну охотился на финских снайперов, приманивая их на куклу. И охотился всегда успешно.

Ему доставались похвалы бойцов и командиров, а его Ване — только финские пули. Но соломенному братишке не приходилось ложиться в госпиталь, Жнивин сам зашивал его раны суровыми нитками.

И когда бойцы его спрашивали:

— Как это ты так ловко финнов бьешь?

Он отвечал:

— Это я не один, а вдвоем с братишкой.

ЛАЙКА — НЕ ПУСТОЛАЙКА

Белофинны, отступая под натиском Красной армии, срывали зло на мирных жителях. Людей угоняли, скотину резали, в собак из ружей палили. Разбежались по лесам собаки.

Красноармейцы их жалели, видя, как бродят они без крова и без хозяев.

Степан Сибиряков приметил одну, светло-серую, с подпалинами. Очень она ему понравилась: стоит на опушке леса, уши торчком, глаза умные — настоящая лайка. Показал ей кусок хлеба:

— Собачка, собачка, поди сюда! Не бойся, глупая, я не кусаюсь...

Лайка хвостом виляет, а не подходит.

— Вот до чего белофинны собаку довели! — сокрушается Степан. — Ну иди поближе, мы люди, а не звери... как тебя там, Шарик или Жучка! Как по-фински Жучка, ребята?

Бойцы смеются, никто не знает.

Тут Сибиряков свистнул, ударил ладонью по сапогу:

— К ноге!

Собака подскочила и встала рядом.

— Эге, да ты и впрямь охотничья! — обрадовался Степан.

Подвел ее к походной кухне и говорит повару:

— А ну-ка, угости моего друга борщом! Глядит Степан — из кухни пар валит. Финский снайпер пробил котел, в котором борщ варился. Бойцы стоят и всматриваются в лес.

— И откуда взялся, проклятый, и где он затаился? Винтовка беззвучная, и самого не видеть. Вот уж которую пулю посылает! Обыскали весь лес вокруг и никак его не найдем. Лошадь убил, бойца ранил, а теперь вот кухню...

Повар дал собаке холодной каши с мясом.

Степан угощает ее и говорит:

— Извиняюсь, собачка, не знаю, как вас звать по-фински, придется уж по-русски как-нибудь назвать.

— Назови ее Пустолайкой, — пошутил кто-то.

— Нет, — ответил Степан, — лайка — не пустолайка, — и даже обиделся.

До войны Сибиряков был охотником и хорошо знал эту породу собак.

— Вы знаете, какие это собаки лайки? — сказал он. — Без них разве белку добудешь? Белка спрячется на дерево — и всё тут. Лес большой, деревьев много; на каком она затаилась, поди узнай... А лайка чует. Подбежит, встанет на задние лапы, передние на ствол и лает — охотнику знак дает. Подойдешь к дереву, а она мордочкой вверх указывает. Взгля-

нешь на ветки, там белка сидит и на лайку лапой грозитя: „Хорк, хорк!“ — „Что ты меня человеку выдаешь?“ А лайка ей свое: „Тяв, тяв!“ — довольно, мол: поносила свою шубу, отдай людям.

— А рябчика она найдет? — спрашивает боец.

— В один момент.

— А тетерева? — спрашивает другой.

— Найдет.

— А белофинскую кукушку?

Тут все даже рассмеялись, а Степан нахмурился:

— Пойдите, товарищи, это интересный намер. Дайте подумать...

Ненавидели наши бойцы этих финских „кукушек“, или „елочников“, которые стреляли в нас, прячась на деревьях. Оденутся во всё белое, залезут на елки и поражают бойцов, оставаясь невидимыми.

„Лес большой, деревьев много, — подумал про себя Сибиряков, — попробуй найди!..“

Он подошел к командиру и сказал:

— Разрешите поохотиться за белофинскими кукушками.

Командир разрешил.

Сибиряков стал на лыжи, надел белый халат, взял винтовку, свистнул. Накормленная собака побежала за ним, как за хозяином.

Вошли в лес.

Степан погладил собаку и шепнул:

— А ну ищи, лайка, кто там прячется на деревьях! Вперед!

Лайка поняла так, что ее взяли на охоту, и радостно бросилась в чащу леса.

Метнулась туда, метнулась сюда — ни одной белки, ни одного тетерева.

Бегает лайка, и облаять ей некого! Даже синиц в лесу нет. Сконфузилась собака. Перед охотником стыдно. Вдруг чует, на одном дереве что-то есть... Подбежала, взглянула вверх, а там человек сидит. Что это значит?

Тявкнула потихоньку, а он погрозил ей пальцем. Лайке не понравилось — тявкнула громче. Тогда финн запустил в нее еловой шишкой. Тут лайка и залилась на весь лес.

— Тсс... замолчи, проклятая, ты меня русским выдашь! Пошла прочь! — ругается финн.

А лайка свое: „Тяв, тяв, тяв!“

Отгоняя надоедливую собаку, „елочник“ не заметил, что к нему подкрадывается наш боец. Степан не торопясь прицелился и нажал на спуск. Раздался выстрел. Финн повалился вниз, ломая ветви. Собака отскочила, испуганно поджав хвост.

— Что, брат, — серьезно сказал Степан, — велика птица свалилась? Ну, знай, это белофинская кукушка. Мы их с тобой всех переловим!

Сибиряков снял с врага оружие и пошел обратно. Лайка вперед забегает, подпрыгивает.

— Молодец, — кивает ей Степан, — правильная собака!

Так Степан Сибиряков стал знаменитым истребителем финских снайперов. Неумоимо очищал он леса от этих разбойников и после каждого удачного похода, поглаживая пушистую шерсть умной собаки, приговаривал:

— Лайка — это не пустолайка!

ПОДВИГ ЛЕТЧИКА ЛЕТУЧЕГО

Во время гражданской войны у мальчика потерялись родители. Он был таким малышом, что даже не запомнил их фамилии. Знал, что отца звали Яковом, самого его Израилем. Вот и все, что он знал о себе.

Долго скитался Израиль. Стал отчаянным мальчишкой. Убегал из всех детских домов, словно по воздуху уносился. Беспризорники прозвали его Летучим. Это прозвище и заменило ему фамилию.

В одном детском доме ребята увлекались постройкой авиамоделей. Маленькие самолеты заинтересовали Летучего. Он начал заниматься вместе с ребятами в кружке авиамоделистов, и убегать из детского дома ему больше не хотелось.

Когда Израиль вырос и стал комсомольцем, он поступил в авиашколу.

Так мальчик Летучий стал летчиком.

— А теперь мне моя фамилия очень нравится, — смеялся старший лейтенант, — удобная. Знакомись и говоришь: „Летчик Летучий“ — коротко и ясно.

Старший лейтенант Летучий замечательно владел своим легким бомбардировщиком, на котором он прилетел сражаться против белофиннов.

Бывало падет туман с Балтийского моря, придет метель из Арктики и зашумит, забушует над лесом, — куда уж тут лететь! А летчик Летучий со своим штурманом выходит к самолету, потирая руки:

— Хорошая погода!

Летучий особенно любил действовать тогда, когда враг этого не ожидает. Белофинны боялись нашей авиации и в ясные дни так прятались, что не сразу найдешь. Дороги пустели, поезда стояли в тоннелях, солдаты отсиживались в лесах. Вся страна замирала. А в нелетные дни у них начиналась самая жизнь. Дороги заполнялись войсками, машинами, пушками. Солдаты и офицеры вылезали из своих убежищ, не ожидая опасности с воздуха.

Вот тут и любил неожиданно появиться Летучий со своими меткими бомбами. Действовал он всегда удачно и смело.

Под Новый год Летучий развеселил всех летчиков — смотрят, что такое: он под крылья своего самолета подвешивает ветчину, колбасу, консервы, а под фюзеляж вместо самой большой бомбы целого замороженного поросенка, мордой вперед!

— Что это, авиабомба новой системы?

— Нет, настоящая свинья, с пяточком на носу.

Удивлялись товарищи. А Летучий загадочно посмеивался. Он получил особое задание накормить отряд лыжников, зашедший далеко в тыл к белофиннам.

Подвесил продукты и полетел. Долго искал лыжников, но все-таки нашел и сбросил новогодние подарки. Особенно понравился бойцам новогодний поросенок, прилетевший к ним по воздуху.

В нашей армии знали и любили летчика Летучего.

А он больше всех любил своего командира капитана Топаллера. Они были товарищами. Дочка Топаллера Верочка и сын Летучего Валя играли вместе, а их отцы летали всегда рядом, крыло к крылу.

В бою Летучий зорко охранял своего командира.

Однажды финны подкараулили эскадрилью капитана Топаллера и неожиданно обстреляли из зенитных орудий. Летучего подбросило словно волной: снаряд разорвался рядом.

— Промазали! — усмехнулся он, взглянул в сторону Топаллера и вздрогнул: мотор командирского самолета задымил, из него выбило черное масло, пропеллер стал вращаться медленней, тише и остановился.

„Неужели подбили?“ не поверил глазам Летучий, протер перчаткой запотевшие очки и

увидел, что самолет командира пошел на посадку.

„Там враги!“ хотел он крикнуть, но только качнул крылом, призывая внимание товарищей, и пошел за командиром. Внизу расстилались леса, из них торчали скалы. Сесть негде!.. Но вот мелькнуло озеро. На него удачно спланировал Топаллер. Летучий взглянул на озеро, и лицу его стало жарко под меховой маской, он сдернул ее вместе с очками.

Хорошо сел Топаллер, но прямо во вражеский лагерь!

Летучий разглядел многочисленные землянки по берегам озера. Белофинны выскакивали из них, бежали к самолету. Целые толпы солдат показались из-за деревьев... Было видно, как наши летчики выглянули из кабин и снова скрылись. Это Топаллер и его штурман припали к пулеметам.

„Конечно, они погибнут с честью. Дорого обойдутся финнам! Вот сейчас произойдет последняя схватка...“

Нет, легче было погибнуть с ними вместе, чем видеть и переживать их смерть.

Стиснув зубы, Летучий смотрел вниз.

„Неужели так и оставить товарищей в руках врагов?.. Но как помочь?“

Летучий круто развернулся и пошел на посадку.

Товарищи хотели остановить его. Ведь это верная смерть! Они заметили темные полосы воды, проступившие на лыжных следах самолета Топаллера. Само озеро внизу было ловушкой. С него не взлетишь, если сядешь, потому что вода приморозит лыжи и самолет попадет как в капкан. Видит ли летчик всю опасность?

Летучий все видел, но ничего не страшился. У него созрел смелый план. Он заметил, что финны пробираются к самолету медленно. Выбежав из землянок без лыж, они утопают в глубоком снегу. Озеро большое... финны еще далеко... Можно успеть! Он скользнул на озеро, подогнал свой самолет к подбитому и, не останавливая пробежки, показал товарищам рукой: „Влезайте на крылья!“

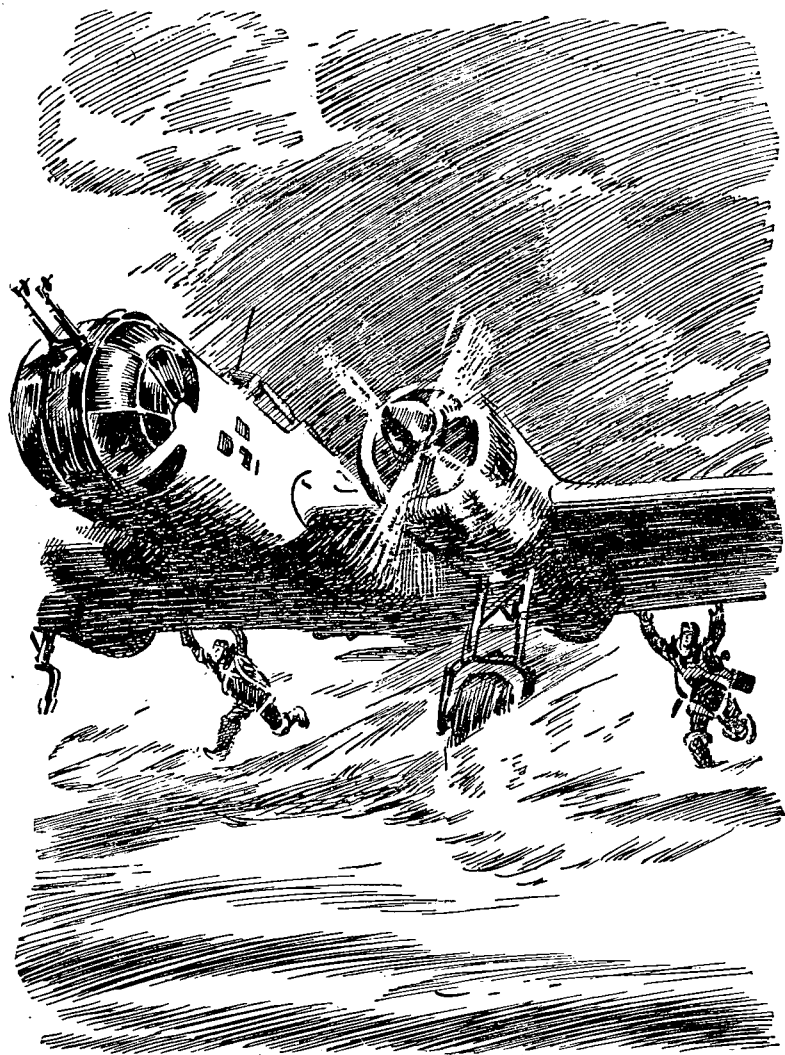
Финны думали, что к ним свалился второй самолет. Обрадовались, зашумели.

А Топаллер и его штурман Влизнюк, выскочив из кабин, погнались за самолетом Летучего.

Он сбавил скорость пробежки и рулил так тихо, чтоб только не остановиться и не приморозить лыжи.

Самолет словно полз по озеру, поднимая снежную пыль.

Топаллер и Влизнюк подбежали, ухватились и подтянулись на крылья.

Тут белофинны поняли, зачем сел второй самолет. Они схватились за оружие, прицелились. Но вдруг свинцовый вихрь обрушился им на головы.

Это вступили в схватку летчики, оставшиеся вверху. Они стали носиться по кругу над озером и поливать белофиннов из всех пулеметов.

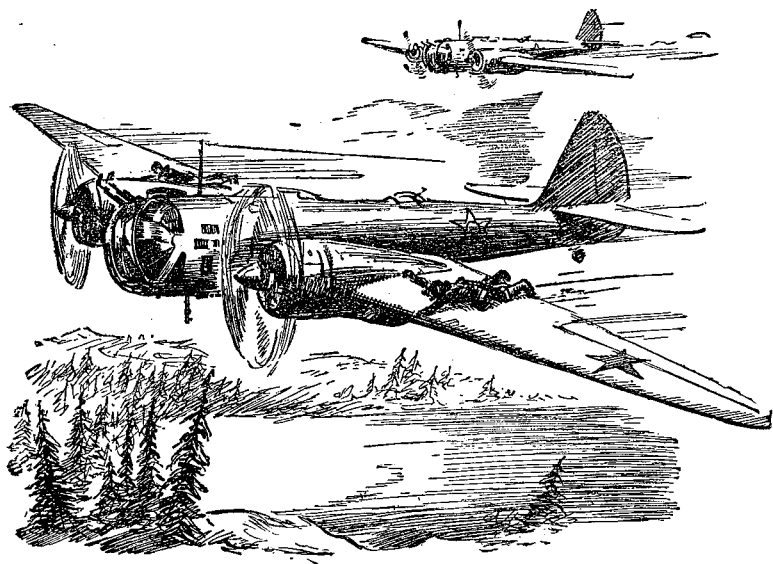
Паника охватила врагов, а Летучий, как птица, взвился над озером, унося товарищей на крыльях.

Топаллер и Близнюк лежали вниз лицом, ухватившись за расчалки. Встречный ветер свистел над ними, грозя сорвать и сбросить в бездну. Топаллер держался за стальные тросы голыми руками. Перчатки он сбросил на озере, а мороз был больше тридцати градусов! Пальцы его побелели, начали разжиматься. А ветер все сильнее отдирал, подталкивал вниз... Топаллер стал сползать с крыла.

— Держись, Анатолий, родной! Еще немного! — кричал Летучий.

Он сбавлял обороты мотора, чтоб встречный вихрь был тише. Самолет едва тянулся над лесом. Вот уже своя территория. Вот и аэродром скоро. А ноги командира уже свесились с крыла.

Лицо его обледенело и смерзлись ресницы. Он уже не мог двигаться, но собрал последние

силы и удержался на крыле, локтями за расчалки.

В это время показался аэродром. Не делая круга, Летучий стремительно опустился. Топаллер упал с крыла прямо на руки подбежавших мотористов.

Его внесли в санитарную палатку.

— Все пройдет, — сказал доктор, приведя командира в чувство.

— Руки, спасите его руки — говорил Летучий. — Ведь это летчик, ему нужно летать.

— Постойте, — закричал доктор, — да вы сами обморозились! — И стал оттирать его щеки.

Весть о подвиге летчика Летучего облетела всю страну.

После войны Михаил Иванович Калинин в Кремлевском дворце вручил ему орден Ленина и золотую звезду Героя Советского Союза.

И когда пожимал руку, вдруг пристально взглянул сквозь очки.

— Летучий? Интересная у вас фамилия! Сами выдумали? Ну, вы ее отлично оправдали. Будьте всегда таким.

— Точно, — ответил старший лейтенант, — всегда буду Летучим!

СОВИНЫЕ КРЫЛЬЯ

Боевали против нас в Финляндии не одни белофинны; немецкие фашисты дали им пушки, танки, прислали свои лучшие самолеты, чтобы нас бомбить.

Пришлось выпустить на них наших „ястребков“ и „чаек“.

Так мы прозвали своих истребителей, потому что одни из них своим очертанием походят на летящих ястребков, а другие имеют выгиб крыльев такой же, как у чаек.

Завидев их, фашистские самолеты бросались вверх, поднимались выше облаков, туда, где пустота и холод, где человеку и дышать

нечем. Фашистские летчики надевали кислородные маски, думая, что у наших нет таких и они отстанут.

Но у наших кислородные маски оказались не хуже. Погоня продолжалась.

Воздушные бои шли в такой заоблачной высоте, что с земли их не было видно.

Неожиданно на землю сыпались моторы, фюзеляжи вражеских самолетов, а потом долго еще падали отдельные куски крыльев, закрылки, планки хвостовых оперений, кружась, как опавшие листья.

Вот как умеют бить наши „чайки“ и „ястребки“!

Много вражеских бомбардировщиков посбивали наши истребители, но вот появился один какой-то неуловимый. Долго за ним следили и не могли его даже увидеть.

Этот таинственный самолет заинтересовал всех.

— Наверное, он летает в шапке-невидимке, — говорили летчики: — бомбит обозы, госпитали, войска, а самого не видно.

Оказалось, что этот самолет действительно изобрел себе нечто вроде шапки-невидимки.

На войне каждую минуту идет жестокая борьба не на жизнь, а на смерть. Показаться на глаза врагу — самое опасное. Часто побеждает тот, кто первый увидел противника.

Маскироваться на войне люди научились у птиц, у рыб, у животных. У них все время идет борьба, и очень хитрая. Когда щука подстерегает плотвичек, бегущих мимо тростника, она стоит неподвижно, притворяясь корягой или палкой. Когда яркая, пестрая бабочка садится на такой же пестрый и яркий цветок, ее почти не видно. Когда дикая утка затаивается среди желтых кувшинок на озере, ее не разглядит ни один охотник, особенно если кувшинки шевелит ветерок.

А видели вы когда-нибудь полярную сову? Она пышная, серебристо-серая. Когда медленно летит она над лесом, распластав свои широкие крылья, в серебристый зимний день ее почти не видно.

Если с высоты птичьего полета посмотреть на хвойные леса, засыпанные снегом, они пестро-серебристые, как крылья полярной совы.

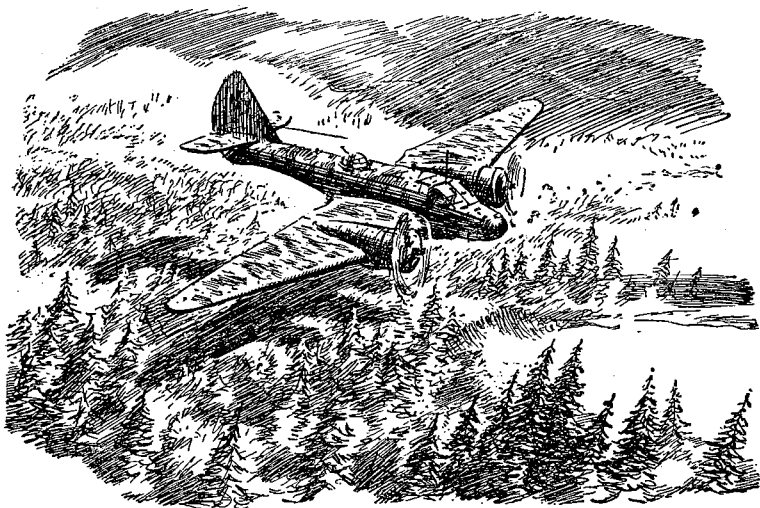
Вот это и подметили белофинны.

Они покрасили самолет так же, как природа разукрасила полярную сову.

И в полетах фашистские летчики стали подражать совиным повадкам. Летали всегда низко, над самыми верхушками елей. Плавное скольжение пестрого предмета среди таких же пестрых лесов с большой высоты незаметно. И наши истребители, сторожившие небо и ле-

тавшие высоко, никак не могли увидеть самолет с совиными крыльями.

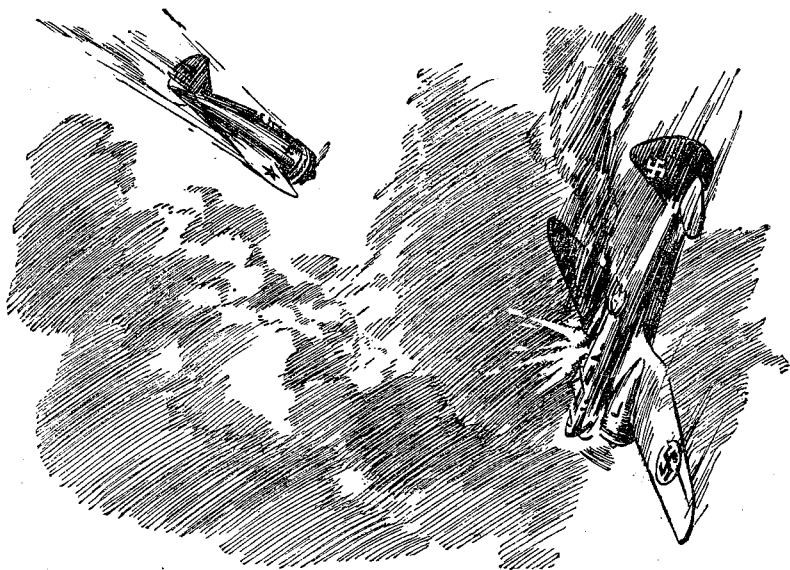
Так он летал и разбойничал, подражая хищной сове, довольно долго. И погубило его то же, чего так боятся совы, — яркое солнце!

Однажды пестрый самолет подбирался к нашему госпиталю, стоявшему на лесной поляне. А высоко над госпиталем кружились, оберегая его, наши истребители.

Неожиданно выглянуло яркое зимнее солнце, и внизу все засверкало. Смотрят летчики — над лесом крадется к госпиталю крылатая тень. Тень видна, а самолета не видно!

Истребители устремились поближе, но среди

пестрых лесов опять не смогли разглядеть самолет, а видели только его тень.

Вдруг бомбардировщик вылетел на поляну. И на белом снегу ясно обнаружили его пестрые крылья.

Как соколы, ударили на него летчики сверху!

Меткие пули разбили моторы, и громадный бомбардировщик распластался на поляне, не долетев до госпиталя.

Санитары забрали в плен фашистских летчиков. А машина долго еще лежала на снегу,

до самой весны. И каждый раз, пролетая над широкой поляной, наши летчики указывали вниз и говорили:

— Вон лежит самолет „Совиные крылья“.

Так мы собьем каждого фашиста, пусть он покрасится хоть под коршуна, хоть под ворону!

КОМИССАР ЛУКАШИН

По снежной долине бежало семеро лыжников, спасаясь от вражеской погони. Передний, высоко поднимая носки лыж, прорезал глубокий снег. Это был Тюрин, командир маленького отряда.

Он громко дышал, пар валил от его широкой спины, по щекам струился пот, несмотря на жестокий тридцатиградусный мороз. Но командир, не останавливаясь, прокладывал путь остальным. Сибиряк, таежный охотник, он был сильнее всех, лучше всех ходил на лыжах по лесу и поэтому шел вожакom.

Остальные бойцы были либо ранены, либо выбились из сил и едва брели, тяжело опираясь на лыжные палки.

Злая погоня шла третьи сутки. Бойцы ели только сухари и вместо воды глотали снег.

Позади отряда шел комиссар Лукашин. Когда-то он был замечательным футболистом,

ловким, смелым, увертливым. Он не унывал и сейчас. Заметив нападающих врагов, припадал за дерево, за камень и ждал с ручным пулеметом.

И когда белофинские лыжники появлялись, как стая волков, он подпускал их поближе и обстреливал из пулемета. А когда они шаркались в стороны и падали, бежал догонять своих.

Он оберегал свой отряд и помогал отставшим. Иногда раненый боец ложился в снег и говорил:

— Товарищ комиссар, сил больше нет.

Лукашин поднимал его.

— Обопрись на меня. Вот так. Еще немного, — вон за той горой наши.

И раненый поднимался.

Валились на снег и здоровые, выбившиеся из сил. Они лежали, как мертвые, с закрытыми глазами.

Лукашин тер им уши снегом, помогал подняться и говорил:

— Вперед, вперед, ребята, а то смерть догонит.

Один молодой боец упал, достал согретый за пазухой пистолет и сказал:

— Товарищ комиссар, разрешите умереть от своей пули, — больше не могу, я свое сделал...

Лукашин вырвал у него оружие:

— Постыдись, ты боец Красной армии!

Он хотел сохранить каждого бойца. Это были смелые люди. Они совершили замечательный подвиг.

Темной ночью они уселись в самолет, захватили взрывчатые вещества и полетели в глубь Финляндии. Самолет шел на большой высоте. Потом приглушил моторы и стал планировать. Бойцы спрыгнули вниз на парашютах и опустились в снег на лесной поляне.

Здесь они стали на лыжи и бесшумно подошли к большому железнодорожному мосту.

Его охраняли белофинские истребители. Его сторожили солдаты. Зенитные пулеметы и нушки стояли наготове и смотрели в небо.

Враги не ожидали, что на мост нападут советские лыжники.

Советские бойцы подкрались к часовым, успокоенным ночной тишиной, и уничтожили их так быстро, что те не успели крикнуть. А затем подложили под мост взрывные заряды, подожгли пнуры и побежали прочь. -

Среди ночного мрака раздался сильный взрыв. Обрушились на лед железные фермы. Мост развалился.

В страшной злобе сотни финских лыжников бросились в погоню за нашими парашютистами.

Командир Тюрин повел отряд к северу, в леса, в пустынную местность. Он путал следы, обманывал врагов несколько суток. Но в конце концов один большой отряд белофиннов напал на след парашютистов и стал преследовать их по пятам.

И теперь шла борьба не на жизнь, а на смерть. Несколько наших бойцов было ранено.

Вот лыжники подошли к скалистой большой горе. За этой горой стояли наши войска, спасение было близко. Надо только взобраться на гору.

Сняв лыжи, бойцы полезли вверх. Финны теперь могли бы перестрелять их поодиночке.

Лукашин залег в ущелье над ручьем в последнюю засаду. Он смотрел то вперед, откуда должны были показаться белофинны, то на бойцов, которые, обессилев, с трудом карабкались на обледеневшие скалы.

Тюрин подсаживал их, поднимал падавших. Вот они уже близко к перевалу.

И тут набежали белофинны. Лукашин открыл стрельбу, стараясь привлечь все внимание врагов на себя. Белофиннам пришлось остановиться. Когда Лукашин почувствовал, что его окружают, он вскочил и побежал. Но поздно. Один финн выстрелил в него и попал в грудь.

Лукашин повалился за камни.

„Подбили, — подумал он, — зато наши уйдут“.

Он взглянул на гору и вздрогнул: они не ушли.

Все бойцы, даже раненные, спускались с горы к нему на помощь. Тюрин шел впереди.

Лукашин хотел им крикнуть, чтобы они спасались, приказать. Но вместо крика только стон вырвался из его раненой груди.

К комиссару подкрался белофинн и крикнул на ломаном русском языке:

— Сдавайся, москаль!

Лукашин взял гранаты.

— Я вам покажу „сдавайся“!

Он посмотрел на гранаты и вдруг спрятал

их в рукавах белого халата. Затем встал во весь рост и, преодолевая боль от раны, поднял руки.

Когда Тюрин увидел с горы, что комиссар стоит, подняв руки, а к нему со всех сторон спешат белофинны, командир не поверил своим глазам. Он остановился и протер глаза рукой.

Какой позор! Ведь комиссар сам учил бойцов, что советский воин в плен не сдается, а теперь...

Ему хотелось крикнуть: „Опомнись, комиссар!..“

Финны подбежали к комиссару тесной толпой.

— Выше руки! — крикнул офицер.

Лукашин вскинул руки, подхватил гранаты и вдруг резко бросил их. Гранаты сильно ударились о камни. Белофинны бросились враспынную, некоторые запутались в лыжах. Раздалось два оглушительных взрыва. Сквозь вихри камней и снега было видно, как повалились враги. Когда дым рассеялся, никто не поднялся.

Несколько минут бойцы стояли молча. В стороне от убитых врагов лежал комиссар, погибший вместе с ними от взрыва своих гранат.

Тюрин еще раз протер глаза.

Ему было стыдно, что он вначале так плохо подумал о комиссаре. Ему захотелось подбежать к мертвому товарищу и поцеловать его.

Но показалась новая партия финских лыжников.

— Вперед! — приказал командир.

Только взглядами попрощались бойцы со своим комиссаром, который их спас, и двинулись дальше.

Белофинны заметили их, открыли стрельбу. Но было уже поздно. За горой уставших бойцов встретили наши сторожевые посты.

ХИТРЫЙ ДОТ

Чтобы разгромить финских фашистов, нам нужно было взять их самую главную крепость — линию Маннергейма.

Встарину крепости строили с высокими стенами, с громадными башнями. Такая крепость возвышалась над местностью. Над ней вились флаги, из ее бойниц грозно смотрели пушки.

А теперешние крепости раскинулись на огромные расстояния. Их башни и стены ушли глубоко под землю. И устроены так, что их не сразу увидишь:

Ни пушек, ни флагов; посмотришь — как

будто мирная местность. Сверху лес растет, стоят скалы, а внутри, в подземельях, скрываются пушки, пулеметы, солдаты.

Отдельные подземные башни таких крепостей называются долговременными огневыми точками, а по-военному говорят коротко: ДОТ.

Линия Маннергейма состояла из множества ДОТов, спрятанных среди лесов, холмов и болот. Она протянулась от Финского залива до Ладожского озера. Все фашисты считали ее неприступной.

Красная армия с боями начала брать эти грозные ДОТы. Разведчики отыскивали, где они спрятаны. Артиллеристы разбивали их из орудий. Саперы подкрадывались и взрывали динамитом. А летчики помогали разрушать ДОТы тяжелыми авиабомбами.

Работали так дружно, что на месте ДОТов оставались только груды развалин.

Мне ни разу не удавалось посмотреть ДОТ в целом виде. Но вот однажды, когда я зашел в штаб части, штурмующей ДОТы, командир сказал мне:

- Завтра мы возьмем ДОТ целеньким.
- Каким способом?
- Мы его оседлаем.

Я удивился: уж не думает ли командир, что ДОТ вроде лошади?

Вместе с командиром мы вышли к наблю-

дательному пункту. Он был устроен в печке, оставшейся после сгоревшего дома. Отступая, белофинны сожгли дом. Труба рухнула, а печка осталась. Саперы выломали стенку с нашей стороны, сделали ступеньки, и, войдя в печку, можно было наблюдать позиции врагов в печную отдушину.

Я долго смотрел в нее, но ДОТа не заметил. Увидел ряды колючей проволоки, увидел скалистые холмы, груды валунов, засыпанные снегом, да позади их большой лес.

— Ничего не видите? — спросил командир. — А тут — три ДОТа. Они спрятаны внутри холмов, присыпаны земляными подушками да прикрыты каменными шапками, даже деревца на них посажены, как будто всегда так было. А попробуй пойдешь — словно из-под земли полетят пули и снаряды.

Эти три ДОТа поддерживают друг друга. Пушки их направлены не прямо, а косо. Один ДОТ впереди, а два по бокам его, немного сзади. Если мы наступаем на первый, он молчит, а два других защищают его перекрестным огнем своих пушек. Если мы наступаем на тех, что позади, первый ДОТ, подпустив наши танки, поражает их огнем сбоку. В тыл нашим пехотинцам из его подземных ходов могут вылезти солдаты с гранатами и пулеметами и неожиданно напасть сзади.

— Но как вы всё это разгадали? — спросил я.

— А у самого ДОТа сидит наш разведчик и сообщает нам все по телефону.

— Как же он туда пробрался?

— Во время сильной метели.

— А как же его финны не видят?

— А его снегом занесло, и он поглядывает за ними из сугроба. Вот уж третий день так сидит. Мы его зовем „наш Папанин“ ...

— А как фамилия этого Папанииа? — спросил я.

— Его фамилия Капитайкин.

— А кто он такой?

— Он в мирное время дома строил, рабочий. У него сын в школе учится, а дочка еще в куклы играет. Вчера они прислали письмо с картинками. Завтра посмотрит, если жив останется...

„Неужели храбрый Капитайкин погибнет?“ подумал я. Положение у него опасное, каждую минуту на него могут наткнуться финны.

Всю ночь шла подготовка к штурму. Скрытно подвезли большие орудия и замаскировали среди развалин деревни. Затем подошли танки, окрашенные в белый цвет. За ними тащились сани, а в них, загородившись броневыми щитами, лежали бойцы в белых халатах.

— Много же у вас помощников! — сказал я.

— А как вы думаете! Оседлать ДОТ не так просто, это ведь не лошадь, — усмехнулся командир.

На рассвете начался штурм.

Вначале загрохотали наши орудия. Снаряды стали загонять белофиннов в подземелья. Особенно сильно били орудия по двум задним ДОТам, чтобы они не смогли помочь первому.

— Ну как, правильно наши снаряды попадают? — спрашивал в телефонную трубку командир.

Капитайкин вначале отвечал, а потом перестал откликаться.

Что с ним случилось?

А наши танки мчались вперед. Они грохотали так, как грохочут льдины во время ледохода. За ними на прицепленных сзади бронированных санях мчались бойцы.

Подъехав к тому месту, где их могли подбить пушки из ДОТа, танки круто повернулись, а бойцы высыпали из саней на снег.

Они быстро поднялись, подползли к ДОТу. Сталкивая камни, стали затыкать его щели, из которых смотрели пушки, забрались на ДОТ, заняли все выходы из подземелий и стали стучать в железные двери:

— Сдавайтесь, иначе взорвем вас!

Фашисты затворились и не отвечали.

Бойцы осмотрели все места вокруг ДОТа и не нашли Капитайкина, ни живого, ни мертвого. Куда же он девался?

А с Капитайкиным случилось вот что.

Когда начался артиллерийский обстрел, он заметил, как в лесу мелькнули, словно тени, финские солдаты и исчезли, нырнув вниз. Он понял, что там у них подземный ход.

Выскочил из своего сугроба Капитайкин и

пополз к опушке леса. Перебрался через поваленные снарядами деревья. И в тот момент, когда наши бойцы оседлали ДОТ, очутился поблизости от подземелья. Но где же выход? Осмотрелся Капитайкин и вдруг увидел, что камни под деревом зашевелились.

Он понял, что это открывается крышка подземного входа. Но когда камни зашевелились, это было так страшно, что Капитайкин минуту помедлил. Это его чуть не погубило.

Первый же финн увидел его сквозь щель медленно открывавшегося входа и выстрелил.

Капитайкин упал. Пуля попала в ногу.

„Пропало, все пропало! — подумал он. — Сейчас вылезут финны, добьют меня и неожиданно нападут на наших“.

Он стиснул зубы, подтянулся и швырнул в подземелье гранату. И, обессилев, упал в снег. Граната взорвалась. Финны у входа были убиты.

Тут подбежали наши бойцы и успели вскочить в подземелье. Завязалась страшная борьба. Дрались штыками и гранатами. В тесноте фашисты отбивались ножами. Долго пришлось бороться. Но все же наши проникли в ДОТ.

В то время как два других ДОТа были

разбиты снарядами, этот взяли совершенно целым.

Бойцы с любопытством осматривали его. В верхнем этаже стояли пулеметы и пушки. Глубже под землей находились убежища для солдат и офицеров. В ДОТе было электричество, водопровод и центральное отопление.

Крепко устроились белофинны! Но не помогли им ни толстые стены, ни стальные двери, ни подземные ходы.

Капитайкин очнулся в госпитале, куда его принесли санитары. Рядом с ним на койках лежали бойцы, раненные при штурме ДОТа. Капитайкин слышал их разговор.

— Кабы не артиллерия, нам бы этого ДОТа не взять, — сказал один. — Артиллеристы соседние ДОТы заклепали, так что они ему и помочь не смогли.

— А кабы не летчики, пожалуй бы тоже не взяли, — они сверху так били, что подмогу к ДОТу не пустили, — сказал другой.

— А танки? — сказал третий. — Кто нас к ДОТу подвез, как не танкисты?

— Все правильно, — сказал четвертый, — но не взять нам ДОТа, кабы не Капитайкин, — вы знаете, что он сделал?

— Знаем, знаем, — заговорили бойцы, — он разведкал ДОТ!

Капитайкин услышал все это и сказал:

— А в общем, взяли мы ДОТ потому, что действовали все вместе!

ЧЕРНЫЙ КОТ

В одном военном госпитале жил черный кот Васька, удивительный лакомка и к тому же франт. Он только и делал что умывался, прихорашивался. Его черная шерсть блестела и сверкала, а усы загибались кверху.

Врачи и медицинские сестры любили Ваську и так его набаловали, что кот стал есть самую некошачью пищу. Любил варенье, шоколад, конфеты. Любопытный был. Бывало дадут ему конфету в бумажке, так он с полчаса трудится, а все-таки бумажку развернет и конфету попробует.

Однажды ради смеха отрезали ему ломтик лимона. Кот поморщился, но съел из упрямства. А потом долго сердито вертел хвостом и поглядывал на всех обидчиво, словно хотел сказать: „Нашли чем угостить! Ки-исло!..“

Но и после этого попрежнему всем интересовался, все пробовал.

Началась война с белофиннами. Госпиталь сопровождал наши войска в суровом зимнем походе, оказывая помощь раненым. И неожиданно на фронте пригодилась забавная прищичка Васьки.

Однажды является боец в обнимку с бочонком сметаны и рапортует:

— Товарищ доктор, разрешите представить вам трофей, из горящего дома вынес. Чего добру пропадать, раненым пригодится!

Доктор улыбнулся: в госпитале было все, кроме сметаны. Взяли бочонок. Но тут же доктор подумал: „А вдруг эта сметана отравлена?“ Коварные враги, отступая, отравляют даже воду в колодцах. Может, и в бочонок яду подсыпали? Как тут быть? Исследовать. Но в походном госпитале не было химической лаборатории. Попробовать? Но кто же решится?

И есть опасно и выбрасывать жалко. Вдруг кто-то вспомнил про черного кота.

— А ну, Василий, попробуй, сослужи службу.

Кот подошел к сметане, отведал, облизнулся, расправил усы лапой и зажмурился: „Хороша! Давно не ел такой сметаны в походной жизни!“

С удовольствием съел целое блюдечко.

Все смотрят на кота: что с ним теперь бу-

дет? А Васька мурлыкнул, потянулся да и заснул. Кот спит, а люди вокруг волнуются и спорят, отравился он или нет.

— Он умирает, — говорит медсестра. — Смотрите, у него коготки вытягиваются.

— Да нет, это он мышей во сне видит, — говорит санитар.

А пока спорили, Васька проснулся, да снова к сметане! Ну, тут ему дали еще. И пошла сметана в борщ и в галушки. Трофеей пригодился.

В другой раз подъезжает к госпиталю грузовик, а из него осторожно высаживаются красноармейцы, и у каждого в одной руке винтовка, а подмышкой банка с вареньем.

— Товарищ доктор, принимайте для раненых подарок. В помещичьем доме нашли. Как видно, был сластена финский помещик: семи сортов варенье. Вот малина, — хороша от простуды; вот клюква с орехами, — жар утоляет... Извините, одну банку разбили!

Доктор варенье принимает — и опять к черному коту:

— А ну, Василий, проверь!

А любопытный кот уже сам в банку заглядывает. В течение шести дней всё исследовал, каждый день по банке. Не понравилась ему только клюква, но и ее отведал. Пьют бойцы чай с вареньем и посмеиваются:

— Ай да кот, ай да Васька, — просто химик!

— Герой, жизнью своей рискует!

Васька среди них расхаживает, спину выгибает, словно доволен, что на войне пригодился.

Все сходило ему благополучно. Но однажды в госпиталь принесли жбан сливок. В разрушенном и сожженном городке остался нетронутым молочный магазин. Все белофинны сожгли, а магазин с молочными продуктами

оставили. В нем полно сливок, сыров, масла. Большая работа для Васьки!

Принесли ему сливки. Стал Васька пробовать. Вдруг как отскочит от блюда, усы отирает, лапки отряхивает и на всех смотрит. Что-то не то! А через полчаса у него заболел живот.

Встревожился весь госпиталь. Черный кот отравился!

Раненые волнуются, сестры чуть не плачут. Врач кота лекарствами поит. Выходили Ваську. Но после этого случая кот забастовал, не хочет ничего пробовать — и кончено.

Его уговаривать начали. Стыдили даже:

— Что же это ты, Васька, струсил?

Кот ни в какую! Не ест ни колбасы, ни сала. Сам себе диету назначил. Похудел, шерсть у него потускнела. Ходит мрачный, даже не мурлыкает.

Стали думать да гадать, как быть, что делать.

А тут и война кончилась. Белофинны сдались.

Наступила весна. Из госпиталя выписались все раненые, и Васька окончательно поправился. Принял свой прежний франтоватый вид, снова шерсть заблестела, усы поднялись кверху, и опять привадился к лакомствам. Иногда главный врач его спрашивает:

— Ну как, Василий, на следующую войну с нами поедешь?

Васька изогнется, проведет ему по сапогам своим черным боком и промурлычет:

„Хор-рошо, пр-роедемся“.

— Я знаю, что ты у нас храбрый.

„Храбрый,— отвечает Васька,— хр-рабрый...“
Вот и вся история про черного кота.

21204

СОДЕРЖАНИЕ

Один против многих	5
Хорошая пословица	9
Вдвоем с братишкой	13
Лайка — не пустолайка	19
Подвиг летчика Летучего	24
Совиные крылья	32
Комиссар Лукашин	37
Хитрый ДОТ	44
Черный кот	53

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор *Э. Зиден*.
Подписано к печати 11/IX 1941 г.
4 печ. л. (4,21 уч.-изд. л.).
19488 зн. в печ. л. Тираж 50000 экз.
Л160571. Заказ № 1599.
Цена 1 р. 35 к.

Фабрика детской книги Детгиза
Наркомпроса РСФСР, Москва, Су-
щевский вал, 49.